

2 ноября 1852 года главный начальник III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и шеф жандармов граф Алексей Фёдорович Орлов, взяв в руки мягкий графитный карандаш, на небольшом листе почтовой бумаги мучительно сочинял короткую записку. Дело было наи-секретнейшее, привлечь к нему даже личного секретаря или адъютанта не представлялось возможным, вот и приходилось писать самому. Пользоваться пером граф не любил — ни гусиным, ни стальным, уже получившим широкое распространение, — поэтому даже деловые бумаги писал мягким карандашом. Мысли наезжали одна на другую. Ситуация усугублялась тем, что генерал от кавалерии был несведущ ни в орфографии, ни в пунктуации, хотя твёрдо помнил, что имена собственные надлежит писать с прописной буквы. «Приехал Марио», — написал граф первую строчку и подчеркнул её. Далее последовал каскад мыслей, каждая из которых, несмотря на начало нового предложения, вопреки всем правилам грамматики, начиналась со строчной буквы: «обитательницы сии фр[ейлина] Бодэ», «они против пустяков с ним», «затевали и весьма неприличные»¹. Расшифруем мысли его сиятельства. Приехал некий Марио, и его приезд произвёл настоящий переполох среди фрейлин, живущих в Зимнем дворце («обитательницы сии»), среди них наибольшее опасение императора Николая Павловича и императрицы вызывает фрейлина Бодэ («они против пустяков с ним»), судя по всему, давшая повод подозревать её в желании встретиться с этим Марио наедине. Впрочем, и другие фрейлины, искушённые во флирте и «васильковых дурчествах», от неё не отставали («затевали и весьма неприличные»).

Сочиняя эту записку, глава тайной политической полиции выполнял негласное распоряжение государя. «Император Николай, не допуская шуток, когда дело шло о добрых нравах императорской фамилии и императорского двора, пришёл в величайший гнев...»² Перед графом Орловым была поставлена непростая задача: не изобличить фрейлину на стезе порока, а пресечь возможное зло. Алексей Фёдорович действовал, руководствуясь не только высочайшим повелением, но и инструкцией, которую в своё время составил его предшественник граф Бенкендорф для чиновников III Отделения: «Цель вашей должности должна быть, прежде всего, предупреждение и отстранение всякого зла. Например,

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

*Семён ЭКШТУТ,
доктор философских наук*

ОХ, АННА ЛЬВОВНА!

*Фрейлина Бодэ под надзором
III Отделения*

Фрейлина баронесса А. Л. Бодэ.
Рисунок великой княжны Александра Николаевны.

И. Вагнер. Портрет молодой дамы с фрейлинским шифром императрицы Александры Фёдоровны. Миниатюра.

дойдут ли до вашего сведения слухи о худой нравственности и дурных поступках молодых людей, предварите о том родителей или тех, от коих участь их зависит, или добрым вашим внушением старайтесь поселить в заблудших стремление к добру и возвести их на путь истинный прежде, нежели обнаружить гласно их худые поступки пред правительством»³.

Для того чтобы возвести фрейлину на путь истинный, следовало знать о каждом её шаге. Орлов написал «вели за ней учредить наистрожайший», но, не закончив предложения, начал новое, наконец-то ухватив мысль за хвост: «назначить надзор, но весьма секретный, известный только тебе и мне и никому другому; подумай хорошенько, и завтра переговорим». Записка была предназначена управляющему III Отделением и начальнику штаба корпуса жандармов генерал-лейтенанту Леонтию Васильевичу Дубельту⁴. Долгие годы он был правой рукой сначала Бенкендорфа, а после его смерти — Орлова. В распоряжении Дубельта было менее суток для учреждения секретного надзора. И пока Леонтий Васильевич раздумывает над тем, как выполнить приказ своего начальника, у меня есть время, чтобы представить действующих лиц этой истории.

Джованни Марио (1810–1883) — это знаменитый итальянский лирический тенор, один из самых обожаемых артистов своей эпохи, неоднократно гастролировавший в Петербурге начиная с сезона 1849–1850 годов и имевший ошеломляющий успех у аристократической публики. Давним почитателем его таланта был цесаревич Александр Николаевич, ещё в конце 1838 года написавший отцу из Флоренции: «Я прельщён прекрасным голосом тенора»⁵. Марио получал баснословные гонорары и не знал отбоя от поклонниц. Его многолетней спутницей жизни и партнёршей по оперной сцене была прославленная Джулия Гризи (1811–1869). Это была исключительно красивая пара — как в жизни, так и на оперной сцене. Их совместные выступления производили фурор. Композитор и музыкальный критик Александр Николаевич Серов писал: «Какое наслаждение, когда Марио поёт, и в очах Гризи звуки влюблённого соловья отражаются, будто видимое эхо. Какая отрада, когда Гризи поёт, и в её голосе мелодически открывается нежный взгляд и счастливая улыбка Марио! Прелестная чета! Персидский поэт, назвавший соловья розою между птицами, а розу — соловьём между цветами, здесь бы совсем запутался и растерялся в сравнении

А. В. Тыранов. Портрет генерала Л. В. Дубельта.

Ф. Крюгер. Портрет генерала от кавалерии, генерал-адъютанта графа А. Ф. Орлова. 1851 г.

Принимать и выслушивать при кавалерийском
 -номъ штабѣ. Ср. Орловъ
 Прошедшую зиму Б. почти ежедневно пред-
 явилъ лично квартирмейстеру М., а иногда встреч-
 ался съ нимъ на англійской набережной, где
 она часто гуляетъ.
 Выслушивая зиму она имѣетъ свиданія
 свидующимъ образомъ: Б. предъѣзжаетъ въ
 своемъ экипажѣ къ графу Строганову, или
 къ князю Волконскому, где часто свидается
 и М., и экипажъ свой отпускаетъ домой,
 сказавъ кучеру, или лакю, что предъѣзжать
 за нимъ не надо, и что если кто нибудь
 отвезетъ. Путь остается она до 10²
 или 11² часовъ вечера, и тогда дряхлѣ-
 ный экипажъ карета, которую наняла
 М., ее дожидается и возитъ предъ къ
 М., у которой она остается часовъ
 до 2⁴² за полночь, а иногда и дольше, -
 отвозитъ же ее на карета, которая
 привезла, а наняла опять дряхлѣ.
 Кучеръ М. говоритъ, что онъ одинъ разъ
 былъ посланъ отъ М. къ командантскому

подъезду и ему приказано было дожидаться
 у подъезда. Гостиница въ полдень, вѣнскія
 барини, небольшого роста, очень хоро-
 шая собою, и кликнула ему по имени,
 села въ карету и приказано ѡехать
 домой. - Долго ли она тогда была у
 М., онъ не знаетъ, потому, что для
 отвода ее во дворецъ франц. дряхлѣ
 карету и буржи. - Скоро послѣ этого
 М. ѡдѣла обѣдѣ къ графу Строганову,
 где также была и Б. - Тамъ кучеръ
 сказалъ, какъ она пришла, вѣнскія
 изъ карета и онъ узналъ въ ней ту
 самую бариню, за которую ѡдѣла въ
 дворецъ. Путь же отъ придворнаго
 кучера узналъ онъ и ее фамилию.
 Б. и М. была три раза.
 27 февраля.
 1852.

Служебная записка генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта шефу жандармов графу А. Ф. Орлову с резолюцией последнего. ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2538. Л. 13-13об. Публикуется впервые.

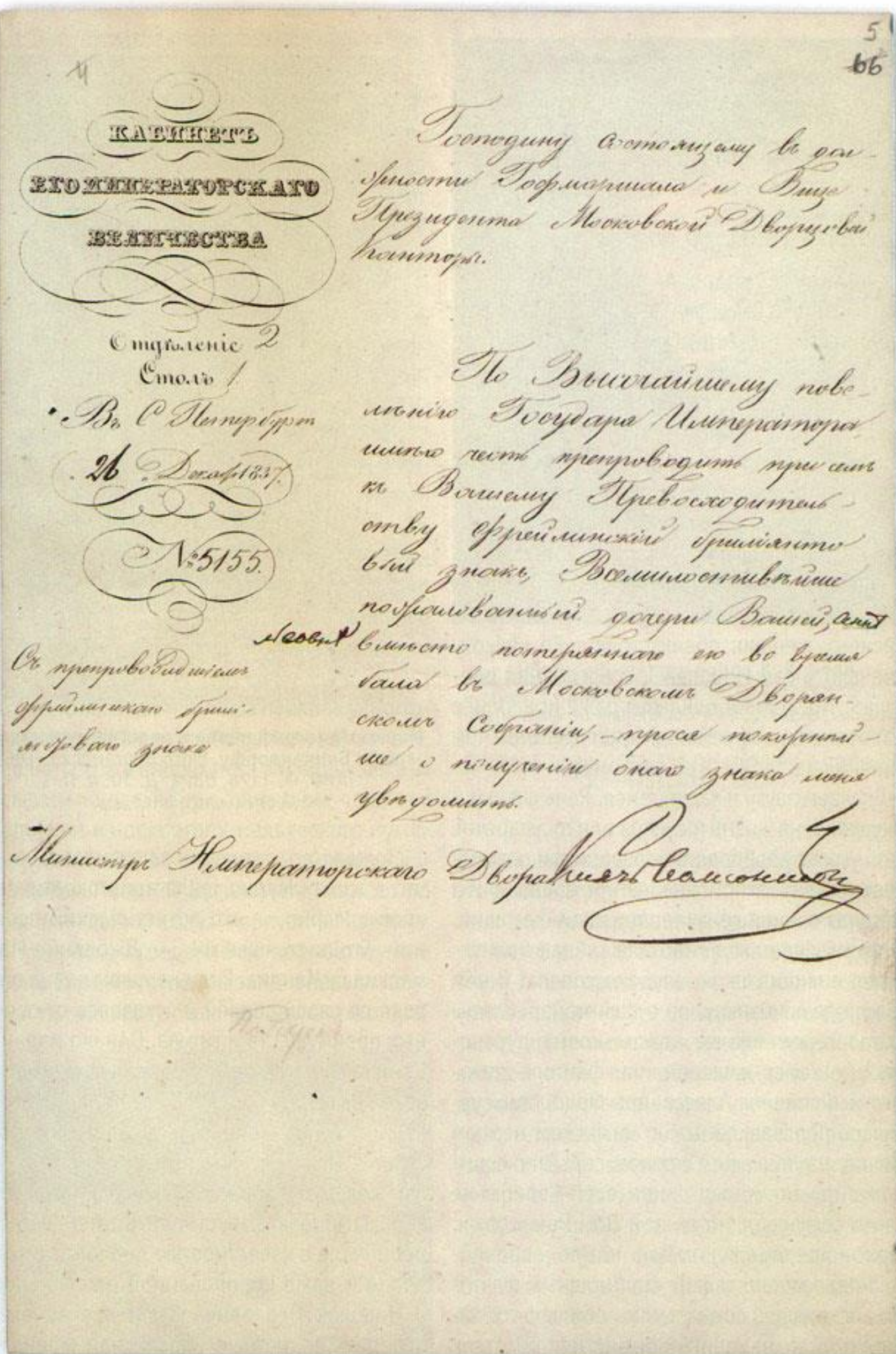
ях, потому что оба, и он и она, Марио и Гризи, блистают не только пением, но и красотой»⁶.

19 октября 1849 года Эрнестина Фёдоровна Тютчева написала из Петербурга князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Я хочу рассказать вам об Итальянской опере, которая в этом году достигла чрезвычайной поэтичности и большого артистического блеска. Новостью в составе труппы являются Гризи и Марио... Вчера давали «Норму», другой такой Нормы, как Гризи, нет: она сама говорит это, и я думаю, что она права. В самом деле, я восхищена тем, как верно передаёт она муки ревности, терзающие душу страстную и решительную. Впрочем, высший триумф Гризи — роль Лукреции, которую она исполняет вместе с Марио. Вы можете себе представить, что все разговоры сводятся к опере. Эта тема оттеснила политику, и мой муж позволяет себе иногда взять кресло в партере, чтобы быть в курсе этих разговоров»⁷.

Муж — это Фёдор Иванович Тютчев. И уж даже если он, столь любивший разговоры о политике, стал посещать оперу, чтобы быть в курсе великосветских новостей, можно догадаться, какой бы грандиозный разразился скандал, если бы между Марио и фрейлиной двора начался роман. Ситуация усугублялась тем, что осенью 1852-го Марио приехал в Петербург без Гризи, знавшей о муках ревности не понаслышке, но всегда умевшей держать в узде своего супруга и не допускать к нему слишком назойливых поклонниц. Об уважительной причине её отсутствия в Петербурге мы можем узнать из докладной записки Дубельта, собственноручно написанной генералом тонким стальным пером на листе почтовой бумаги.

«Фрейлина Боде, до отъезда отсюда господина Марио, была решительно в него влюблена; но во время его отсутствия ей очень нравился, и более нежели нравился, адъютант австрийского посланника, не менее того она сохранила и сохраняет тёплую привязанность к Марио. — На днях Государь Император сказал ей, что получено известие будто бы Марио, приехав в Берлин и услышав, что в Санкт-Петербурге холера, испугался и возвратился в Англию; — она смутилась, но старалась скрыть своё смущение и об этом сама рассказывала своим приближённым; но Марио приехал из Италии, где около Флоренции недавно купил виллу. Здесь разнеслись слухи, что дорогою его экипаж был опрокинут, и госпожа Боде с тревожным участием спрашивала всех, не случилось ли с Марио какого-либо несчастья. (Карета его точно была повреждена от лопнувшего котла локомотива.)

Между италианскими артистами утвердилось уверенность, что Марио нарочно обеременил госпожу Гризи для того, чтобы приехать сюда одному и иметь более удобный и невозбренный доступ и сношение с госпожою Боде»⁸.

Письмо министра Императорского Двора князя П. М. Волконского барону Л. К. Боде о пожаловании его дочери Анне дубликата фрейлинского шифра с бриллиантами. ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292. Л. 5. Публикуется впервые.

Генерал сделал изящный росчерк и, намекая на сугубую конфиденциальность сообщаемых ниже сведений, более мелким, но исключительно изящным почерком приписал в самом конце листа: «Есть особа, я ещё не мог узнать кто, которая принимает в ней искренне участие и часто советует быть с Марио осторожну»⁹. Было очевидно, что адресованное фрейлине предостережение прозвучало из уст императрицы Александры Фёдоровны. Хотя записка была секретной и предназначалась только Орлову, даже в таком документе генерал не счёл возможным всеупомянуть имя государыни, дабы полицию не заподозрили в слежке за нею.

13 ноября 1852 года записка Дубельта легла на стол Орлова. Прошло менее суток, и поручение его сиятельства было выполнено. Хотя штат III Отделения был немногочислен и насчитывал всего-навсего 29 чиновников, включая самих Орлова и Дубельта, тайная политическая полиция была, пожалуй, самой эффективной частью государственного аппарата Российской империи. Ставшие крылатыми слова поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Юрьевича Лермонтова о *всевиждающем глазе и всеслышающих ушах* III Отделения были не поэтической метафорой, но трезвой констатацией факта.

Дубельт распорядился доставить к нему списки всех, кто проживал в Зимнем дворце. То есть буквально всех. Начальника штаба корпуса жандармов интересовали имена не только придворных, но и всей дворцовой obsługi. Первый список был составлен на

одиннадцати листах бумаги большого формата, где в алфавитном порядке были поименованы все дворцовые слуги, начиная с Агафона Алексева — чернорабочего, крепостного крестьянина, и кончая Вильгельминой Шульц — девицей, швейей. О каждом из них сообщалась подробная информация¹⁰. Во втором списке были указаны имена, отчества и фамилии всех живущих в Зимнем дворце чиновных особ. Таковых было 55 персон, начиная с Барановой, графини Юлии Фёдоровны, статс-дамы императрицы, и кончая Юз Марией Андреевной, состоящей при великих князьях Николае и Александре Александровичах — малолетних сыновьях цесаревича¹¹. Третьей по этому списку шла баронесса Анна Львовна Боде, фрейлина императрицы и главная героиня этой истории, одна из самых красивых женщин обеих столиц. Её красоту отмечали и сам Николай I, и наследник престола¹². Последний однажды даже преподнёс очаровательной фрейлине букет цветов, о чём сохранилась запись в её альбоме¹³.

Сделаем паузу и задумаемся. Речь шла не о покушении на жизнь государя или государыни, не об угрозе дворцового переворота и даже не о весьма вероятном внедрении враждебной агентуры в жилище императорской фамилии. Но сколь тщательно работала тайная политическая полиция, сколь глубоко копала! О чём же шла речь? Отнюдь не о флирте фрейлины с камергером или её «васильковых дурачествах» с камер-юнкером или флигель-адъютантом. Фрейлина Александры Фёдоровны увлеклась прославленным итальянским певцом и могла, вступив с ним в роман, серьёзно скомпрометировать перед лицом всей Европы не только саму себя, но двор и Дом Романовых. Марио олицетворял собой новую европейскую реальность: талант стал мощным фактором восходящей социальной мобильности, талантливый и знаменитый артист или писатель не только много зарабатывал, но и был вхож в аристократический круг. Знакомством с ним дорожили, возможности общения — домогались. О таких людях постоянно писали газеты и судачила молва. К середине XIX века артистический успех стал серьёзно конкурировать с дворянскими титулами и грамотами. Оноре де Бальзак запечатлел эту новую реальность в своём романе «Кузина Бетта» (1846). Титулованная барышня и дочь генерала влюбилась в многообещающего скульптора, нищего польского графа, живущего в Париже. Она собралась за него замуж и сообщила об этом отцу.

«Послушай, папочка, неужели ты запретишь мне выйти замуж за великого художника?»

— Нет, дитя моё. В наши дни великий художник — это тот же принц, только не титулованный. Слава и богатство — вот два величайшие общественных преимущества... после добродетели, конечно, — прибавил он шутиво-ханжеским тоном».

Марио. Автограф певца и дарственная надпись графу Бенкендорфу. Фото Бергамаско. 1868 г. ГАРФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 1034. Л. 1. Публикуется впервые.

Тождество ситуаций заключалось в том, что в жилах Марио текла аристократическая кровь. Марио — это артистический псевдоним. Его настоящее имя — Джованни Марио маркиз де Кандиа. Ради карьеры певца он порвал со своей семьёй и отказался от сословных преимуществ и титула. Однако маркиз де Кандиа никогда не добился бы такой славы, какая выпала на долю певца Марио. У его ног было всё европейское образованное общество. В век пара, электромагнитного телеграфа, железных дорог и выходящих большими тиражами газет известность артиста легко соперничала с известностью дипломата, полководца и даже коронованной особы. Словом, у Николая Павловича были все основания учредить секретный надзор над фрейлиной Боде. Её отцом был барон Лев Карлович Боде — потомок французского эмигранта из Эльзаса и герой наполеоновских войн, удостоенный за боевые отличия Знака отличия Военного ордена, ордена св. Георгия IV класса и Золотой шпаги «За храбрость». В 1852 году Боде был обер-гофмейстером и президентом Московской дворцовой конторы. (Обер-гофмейстер — это придворный чин II класса по Табели о рангах.) Именно он руководил сооружением Большого Кремлёвского дворца и после окончания строительства был осыпан милостями государя. В дневнике Дубельта есть красноречивая запись: «29 октября 1851. Государь император пожаловал обер-гофмейстеру барону Льву Карловичу Боде 36 т. рублей на уплату долгов...»¹⁴

Настало время представить героиню этой истории. Баронесса Анна Боде родилась 7 декабря 1815 года. Менее чем через месяц после начала описываемых событий ей должно было исполниться 37 лет. Фрейлина отнюдь не

была юной неопытной барышней, только что вступившей в свет. Но она всегда отличалась необыкновенной восторженностью и исключительной влюбчивостью. «Сохранились не полностью её дневники за многие годы, рисующие чрезвычайно экзальтированную девушку, со всей непосредственностью описывающую свои влюблённости. В этой галерее её героев проходят и персидский принц Хозрев-Мирза, приезжавший извиняться за убийство Грибоедова и пленивший русских барышень, и модный московский врач А. Е. Берс, отец С. А. Толстой, и князь Владимир Меншиков, праправнук временщика, и Николай I, страстным поклонением которому наполнены её дневники. Среди записей А. Л. Боде под 4 февраля 1837 года мы находим взволнованные слова о смерти Пушкина: «Я чувствую подавляющую грусть, и у меня даже приступы лихорадки; то у меня озноб, вызывающий дрожь, а спустя мгновение — меня бросает в жар, и это меняется поминутно. О! смерть Пушкина меня очень расстроила... Напрасно ищу я развлечений, я не могу овладеть собой, чтобы быть весёлой; правда, я совсем больна!»¹⁵

Во фрейлинском коридоре Зимнего дворца Анна Львовна провела более одиннадцати лет. Её семья была взыскана царской милостью: не только старшая Анна, но и три её сестры — Мария, Наталья и Екатерина — носили фрейлинский шифр императрицы Александры Фёдоровны. Адрес-календарь на 1843 год сообщает, что фрейлинами государыни числились четыре сестры Боде — уникальный случай в истории царствующего дома¹⁶. Придворное звание фрейлины очень высоко ценилось в аристократической среде: незамужние девицы, им пожалованные, обретали право на генеральский титул «ваше превосходительство». Помимо высокого социального статуса фрейлины получали весьма высокое жалованье, а при выходе замуж — приданое. Когда баронесса Анна Львовна обосновалась в Зимнем дворце и начала нести службу при императрице, ей были назначены столовые деньги — 834 рубля 83 копейки серебром в год¹⁷. Это было генеральское жалованье. При этом она жила во дворце на всём готовом и пользовалась придворными экипажами. Фрейлинский шифр был пожалован Анне ещё в 1837 году, однако её действительная служба началась лишь весной 1841-го, когда барышне уже шёл 26-й год. Появлению новой фрейлины в Зимнем дворце предшествовало письмо, которое министр императорского двора князь Пётр Михайлович Волконский направил отцу Анны Львовны.

«Милостивый государь барон Лев Карлович.

Государыня императрица, обратив особенное внимание на старшую дочь Вашего Превосходительства, фрейлину баронессу Анну Львовну, изволила изъявить желание, чтобы она находилась при Ея особе и жила во Двор-

це. Но поелику Ея Императорское Величество постоянно следует принятому Ею правилу — согласоваться в подобных случаях с волею родителей, то я получил Высочайшее повеление узнать, согласны ли будете Вы и супруга Ваша отпустить ко Двору дочь Вашу. В случае согласия Вашего, Ея Величеству угодно, чтобы Вы сами привезли сюда дочь Вашу.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Князь Пётр Волконский»¹⁸.

Выражаясь языком позднейшей эпохи, фрейлина Бодэ была взята в разработку, и вся её прислуга стала тщательно изучаться сотрудниками III Отделения на предмет весьма вероятного содействия Анне Львовне в деле организации её интимных свиданий с Марио.

Минуло всего-навсего два дня после начала работы по делу Бодэ и Марио, а тайная политическая полиция уже знала о фрейлине почти всё. «Голубые мундиры» работали чётко. 14 ноября 1852 года была составлена справка «Прислуга у фрейлины Бодэ:

Нянька Юлия Гемпель, саксонская подданная, уроженка из Гера, прибывшая в Россию в 1846 году (выбыла в 5-й квартал Васильевской части, в дом господина Епанешникова, под № 16-м, по 11-й линии).

Крепостная девушка Авдотья Кузьмина.

Иван Пантелеев (чернорабочий), кре-

стьянин господина Жеребцова, Московской губернии, Коломенского уезда сельца Большаго Уварова»¹⁹.

Ход рассуждений Орлова и Дубельта был прост. Они предположили, что у Бодэ и Марио есть в Петербурге квартира, снятая на чужое имя. «Надобно теперь, прежде всего, открыть, где живёт мать горничной девушки, где предполагают, что были свидания»²⁰, — дал руководящее указание шеф жандармов. Предположение оказалось ложным. Конспиративной квартиры не было.

За артистом было установлено круглосуточное наблюдение, не давшее, впрочем, никаких результатов. Дубельт с нескрываемым раздражением записал в дневнике: «15 ноября 1852. Наши агенты заметили, что певец Марио очень бранит русских и даже с презрением о них отзывается. Мерзавец, итальянская дрянь, пастух, смеет бранить русских, а небось, ест хлеб русский! Впрочем, наша публика сама тому виновата: эта каналья слишком важничает, позволяет себе в операх петь вполголоса и выбрасывать по две, по три арии, и всё-таки ему аплодируют и носят этого итальянского мужика на руках...»²¹ Про «пастуха» и «итальянского мужика» Леонтий Васильевич написал по злобе: начальник штаба корпуса жандармов был прекрасно осведомлён о происхождении артиста. Впрочем, раздражение генерала можно понять. На карту была поставлена его про-

Обер-гофмейстер барон Л. К. Бодэ.

Правее ордена св. Георгия IV класса хорошо различима большая золотая медаль, украшенная бриллиантами, на Андреевской ленте — награда за руководство сооружением Большого Кремлёвского дворца.

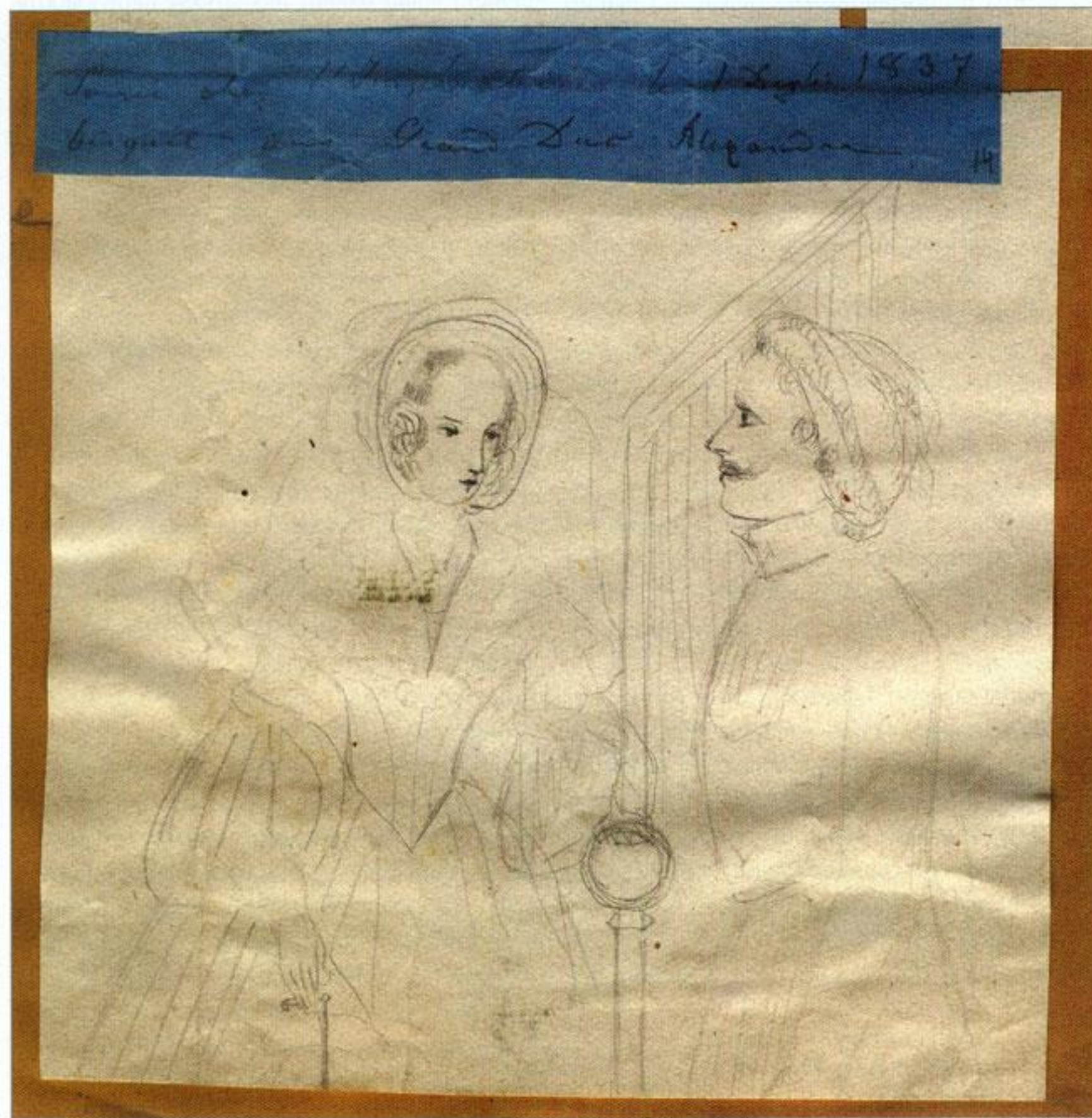
фессиональная репутация. Дубельт знал, что это дело находится на контроле у императора. Между тем шёл день за днём, а место свиданий никак не удавалось обнаружить. Наблюдение было столь пристальным, что даже мышь не могла прошмыгнуть незамеченной, не говоря уже о многочисленных поклонницах певца. О каждой из них лично докладывали шефу жандармов. В деле отложился любопытный документ, написанный рукой Орлова. «Прогуливающаяся Дама напротив Сабурова дома или та, которую М<арио> дожидал, не та, которую мы предполагали, а госпожа Ниловская, известная по истории с французской актрисой»²². Слишком настойчивой фанатке певца Марио было сделано внушение о недопустимости приставания к иностранцам, давшее осязаемый эффект: больше на страницах этого дела фамилия Ниловской не встречается.

К расследованию по делу был привлечён штабс-капитан Чулков. На личности этого жандармского офицера следует остановиться более подробно, ибо Чулков был настоящим артистом в деле сыска. Именно он ещё в чине поручика годом ранее, в конце весны 1851-го, настиг князя Сергея Васильевича Трубецкого и Лавинию Жадимировскую. На основе этой подлинной истории Булат Окуджава написал роман «Путешествие дилетантов», а гораздо раньше историк и филолог Павел Щёголев — очерк «Любовь в равелине». Этот же Чулков весной 1852-го в результате тщательно спла-

Фрейлина баронесса А. Л. Бодэ и наследник великий князь Александр Николаевич.

Рисунок великой княжны Александры Николаевны из альбома А. Л. Бодэ. Сверху наклеена надпись по-французски: «Вечер у императрицы 1 декабря 1837. Букет от великого князя Александра».

ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292. Л. 10, № 3.

нированной операции, включающей и серию контрольных закупок, сумел выявить в Петербурге торговцев порнографией и осуществить масштабное изъятие их «срамных» товаров. (Пикантность ситуации заключалась в том, что у самого Николая Павловича была обширная коллекция порнографии. Когда же августейший карандаш рисовал пышные формы Александры Фёдоровны, затянутые в кавалергардский мундир, или изображал императрицу в образе обнажённой Венеры, получалось нечто исключительно игривое, сильно выходящее за рамки мягкой эротики.) После того, как к делу был подключён смыслённый штабс-капитан, у Боды и Марио не было ни малейшего шанса скрыть свою тайну. Написанное каллиграфическим почерком секретное донесение Чулкова, направленное Дубельту, позволяет нам судить о методах работы III Отделения. «В доме Глинки, где квартирует Марио, нет никакой надежды узнать, кто у него бывает и к кому он ездит; прислуга у него заключается в одном человеке, и тот по-русски ничего не знает, а потому с прочими людьми, живущими в том же доме, он не имеет знакомства, по словам дворника и его кучера, у Марио почти никого не бывает, как разве иногда артисты, сам он, кроме репетиции и спектаклей, мало выезжает, всё более дома, кучер говорит, что он, иногда приехавши на репетицию, отпускает его домой и не приказывает приезжать за ним и приходит домой пешком»²³. Это была тоненькая ниточка. Но штабс-капитан знал,

что именно за эту ниточку следует тянуть, чтобы распутать весь клубок.

20 ноября 1852 года Дубельт сообщил Орлову: «От ямщика, ставящего ему лошадей, требует, чтобы у него был прошлогодний кучер, что ему и обещано»²⁴. Этот каприз артиста не остался незамеченным и привлёк внимание как Чулкова, так и Дубельта: они поняли, что вышли на верный след. Штабс-капитан был превосходным психологом, умевшим подобрать свой ключик к каждому, кто был ему нужен для получения оперативно-розыскной информации.

21 ноября штабс-капитан доложил Дубельту: «От кучера Марио трудно выведать, немного упрям, но сколько я мог заметить, он всё знает, да и сам он проговорился, что ему не только известна любовница Марио, но и других италианцев; но я всё ещё не теряю надежды чрез дворника выведать, наш русский мужик любит сначала поломаться, так точно сначала и дворник не хотел даже и говорить, а теперь всё готов сделать»²⁵. Прошло пять дней, и Леонтий Васильевич смог убедиться, что в словах жандармского офицера не было никакого бахвальства. Подход к кучеру Марио был найден, а фрейлина Бода изобличена.

«Секретно.

Б... прошедшую зиму редкий день чтобы не проезжала мимо квартиры Марио, а иногда встречала его на Английской набережной, где он всегда по обыкновению гуляет, но Марио несколько опасался Гризи.

Нынешнюю же зиму Б... совершенно достигла своей цели; тем более что и Марио был уже не прочь; — особенной квартиры у них в городе нет, но имеют свидания таким образом: Б... в своём экипаже приезжает к графу Строгонову или князю Волконскому (где часто бывает Марио) и экипаж свой отпускает домой, предварительно сказав своему кучеру и лакею, что приезжать за ней не надо, её кто-нибудь отвезёт домой, и остаётся в этих домах часов до 10-ти или 11 вечера; выходя же от них, другая карета извозчицы (которую нанимал для неё Марио) её уже дожидает, по приказанию пошёл домой, везут её в квартиру Марио, у которого она бывает до 2-х, а иногда и дольше часов ночи, отвозит же не эта карета, что привезла, но берут с биржи другую...

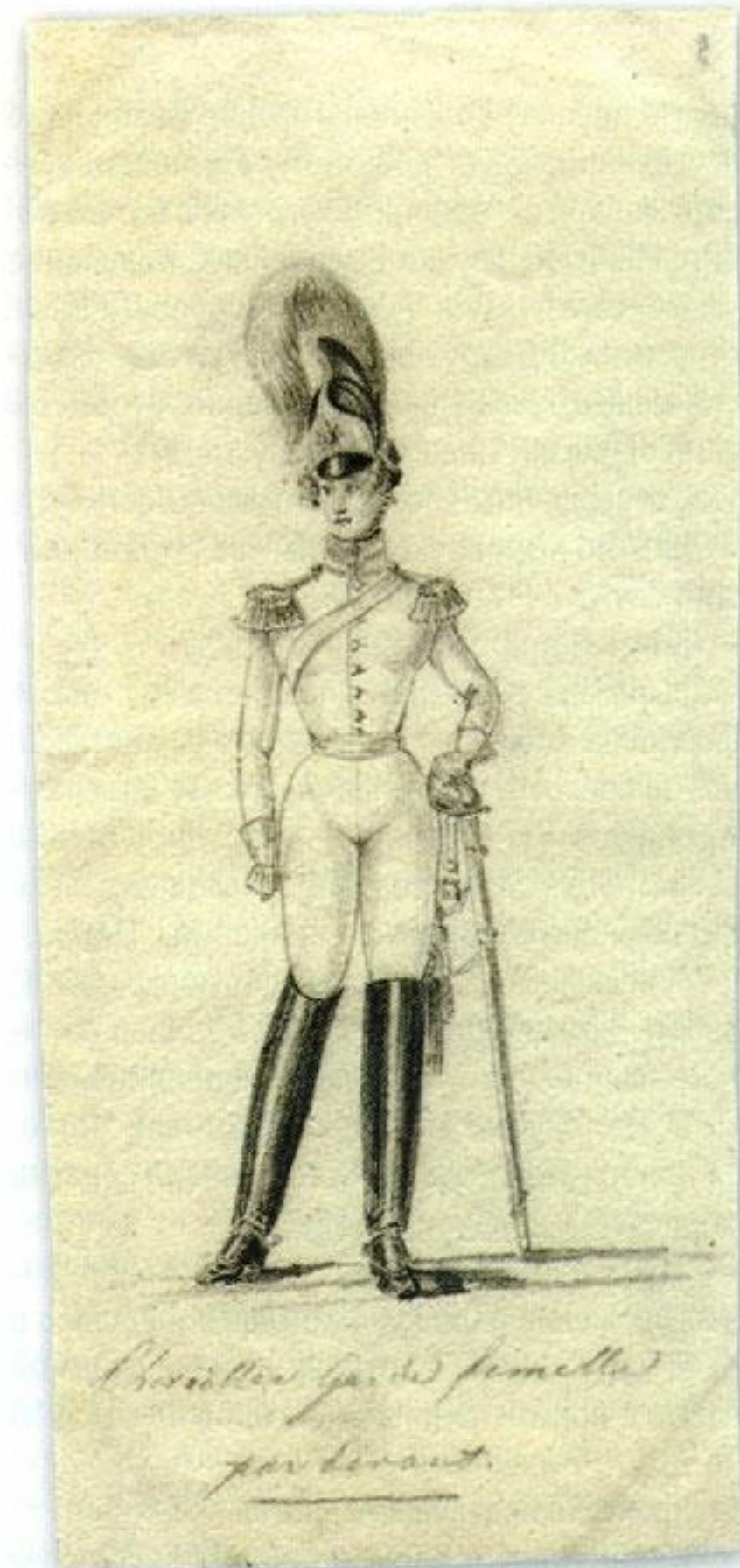
Б... была у Марио три раза.

Штабс-капитан Чулков»²⁶.

Как мы видим, Боды и Марио нельзя было отказать в наличии предприимчивости и изобретательности. Нечто подобное (смена карет дамой из высшего общества, отправившейся на свидание со своим любовником) было чуть ранее описано Александром Дюма в романе «Граф Монте-Кристо» (1845–1846).

27 ноября 1852 года Дубельт доложил Ор-

Фрейлины императрицы Александры Фёдоровны.
Фрагмент картины А. И. Ладюрнера «Гербовый зал Зимнего Дворца». 1838 г.

Императрица Александра Фёдоровна — шеф Кавалергардского полка.
Рисунок императора Николая I. 1829 г.
ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2298. Л. 41.

лову результаты расследования. Следовало ожидать высочайшей резолюции. В это же самое время в Москве с отцом Анны Львовны случилось несчастье: барон Бода пережил удар — так в то время называли инсульт. Императору было угодно по телеграфу осведомиться о здоровье обер-гофмейстера. 21 ноября 1852 года в 3 часа 19 минут пополудни с Московской станции была отправлена телеграмма, полученная в Петербурге в 3 часа 22 минуты. «Обер-гофмейстеру барону Боды лучше, но он ещё слаб и говорить не может». Был найден благопристойный повод удалить фрейлину из Зимнего дворца. Анна Львовна была отпущена в Москву, чтобы навестить больного отца. Когда она, ещё ничего не подозревая, собиралась сесть в поезд, ей было сообщено высочайшее повеление: оставаться в Москве в бессрочном отпуску. Анна Львовна поняла, что о её любовной интриге стало известно царю и царице. Между тем отцу фрейлины стало лучше, и старик Боды собрался отправиться в Петербург, чтобы 6 декабря — в день тезоименитства императора — лично принести Николаю Павловичу благодарность за заботу, проявленную о своём здоровье. Барон ничего не знал ни об отношениях своей дочери с Марио, ни о полученном ею повелении, факти-

чески запрещавшем Анне Львовне появляться при дворе. Барон велел дочери выехать в Петербург и приготовить для него подобающую его сану квартиру. Фрейлина не рискнула послушаться отца, выехала из Москвы в Петербург, но не осмелилась показаться при дворе и представиться императрице. Она понимала, что разоблачение её связи с итальянским певцом может убить только что пережившего удар отца. Лишь царь мог разрубить этот гордиев узел. Анна Львовна написала государю три письма, умоляя его о прощении, но ни на одно так и не получила ответ. Эти письма отложились в Секретном архиве III Отделения.

Письмо первое. «Государь!

Я не имею дерзости молить о моём прощении, я заслужила всё самое суровое, что Ваше Величество пожелает наложить на меня, но простершись на земле, я умоляю вас, вас, кто ведь Отец нам всем, не убивать моего отца потрясением, которое в настоящем его состоянии было бы для него смертью. Я лишь в момент отъезда получила приказ оставаться в Москве в бессрочном отпуске, и когда мой отец, будучи здоров, отправил меня вперед приготовить ему квартиру в Петербурге. Дабы повиноваться приказу, данному Императрицей, я использовала все поводы, чтобы остаться, но отец ни о чём не подозревая, настоял. Сказать ему правду — было бы убить его на месте. Итак, я осмелилась приехать сюда лишь для того, чтобы снова уехать, как только Ваше Величе-

ство мне прикажет, и броситься к ногам Императрицы прежде, чем покинуть её навсегда! Я даже не осмелилась войти во дворец и остановилась в другом месте. Но хотя и чувствую себя совершенно недостойной обращаться к Вашему Величеству, я умоляю вас, как Отца и Господина, не препятствовать батюшке явиться 6 декабря, ради этого путешествия главным образом были все его усилия выздороветь, и он снова получит опасный припадок, если Ваше Величество не примете его, его, кто посреди болезни, с его рвением и Культотом, которым является для него служба вам, заботился лишь о делах, которые он был должен Вашему Величеству. Не карайте, Государь, самого преданного из ваших слуг за ошибку той, которой никогда не достанет слез для раскаяния. Увидав жизнь моего отца в опасности и счастливая видеть его поправившимся, я думаю лишь о нём в гнетущем меня ударе, что же до меня, я склоняю голову, и после несчастья гнева моего Государя, который я слишком справедливо навлекла на себя, и изгнания, которое мне грозит, жизнь для меня кончена, и я не должна более ничего ждать от жизни!..

Государь! Соедините, как Господь, милосердие с суровостью и сберегите, по крайней мере, моего отца, это единственная милость, о которой осмеливается вас просить самая несчастная, но верная подданная вашего Императорского Величества А. Б.»²⁷

Письмо второе. «Государь!

Отказывая мне, вы могли оказать последней из ваших подданных милость сказать одно слово Вашему Величеству, не только чтобы докучать вам просьбами о прощении, о котором я напрасно просила, на коленях и простершись ниц, но одно слово, которое станет жизнью для меня и после которого я начну готовить моего отца к ужасному удару, какой нанесёт ему мой внезапный отъезд....

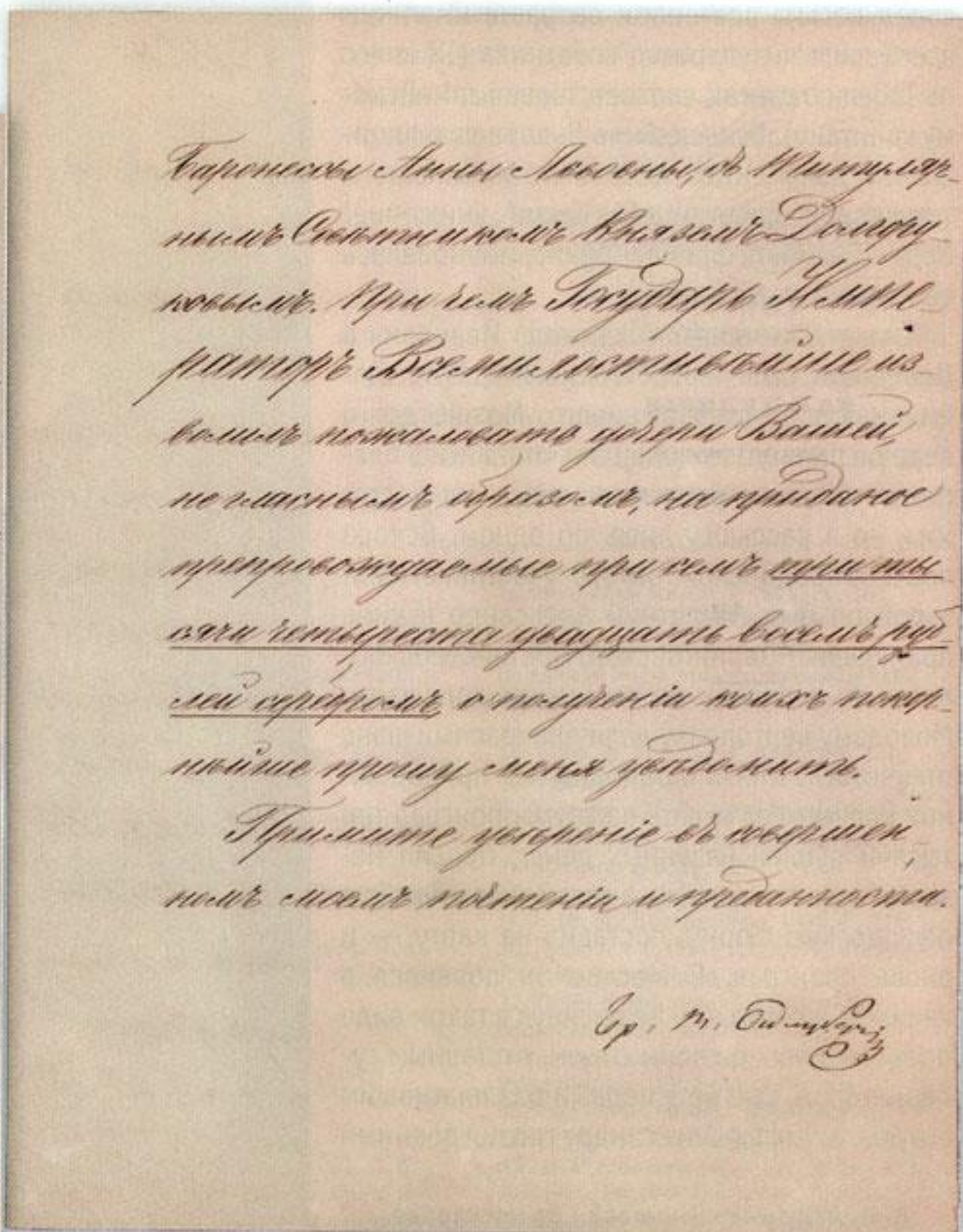
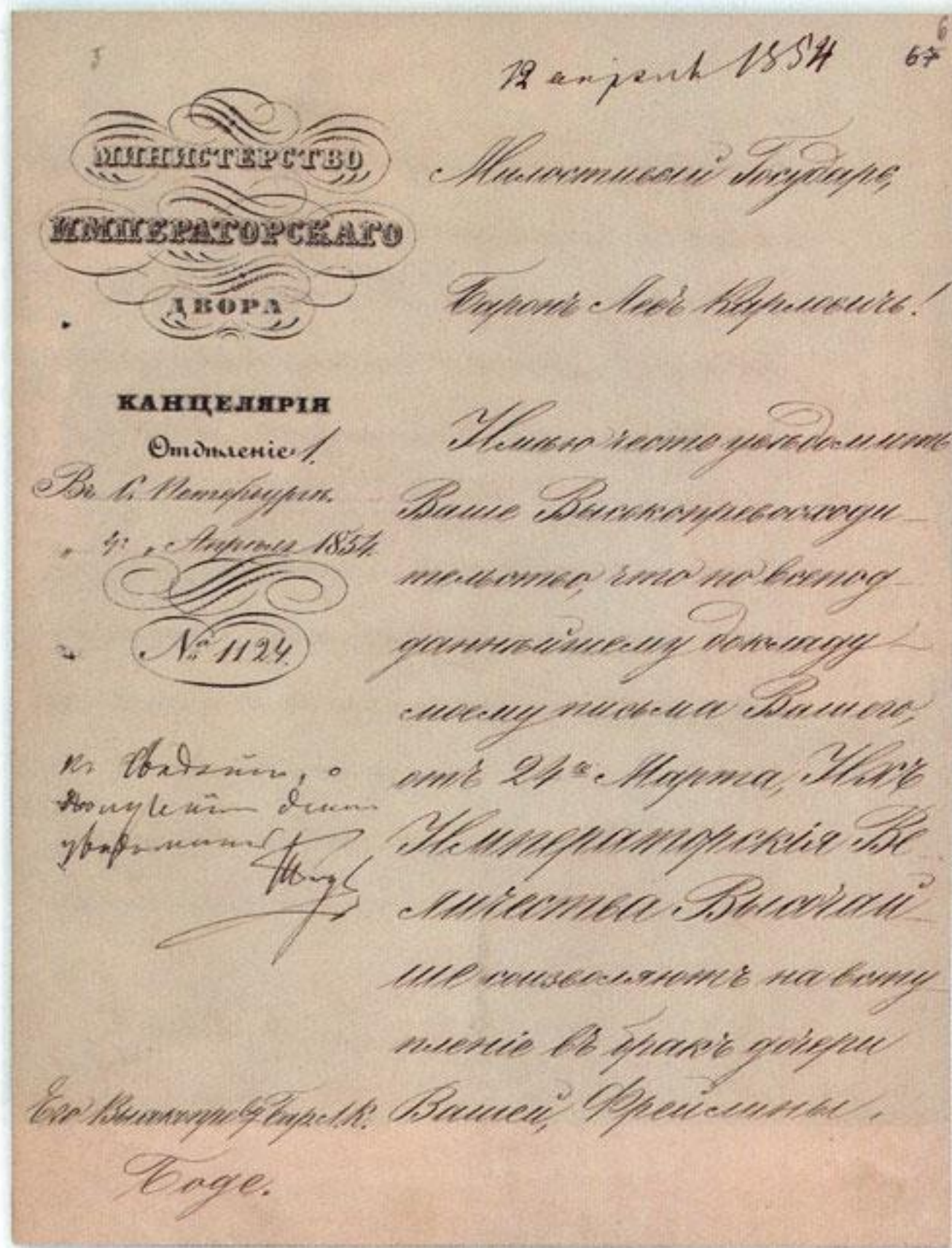
Ваша власть, Государь, столь безгранична, что ваше великодушие также должно не иметь преград, но я прошу сейчас лишь 5 минут разговора!

Государь, вашего Императорского Величества покорнейшая подданная А. Б.»²⁸

Письмо третье. «Государь!

Отчаяние меня охватывает, я не могу более призывать вас спасти меня. Снизойдите позволить мне прийти броситься к вашим ногам и выслушать меня одно мгновение. Если в этой высшей милости мне отказано, имейте божественное терпение прочесть эти страницы, которые не были предназначены для глаз Вашего Величества, но чтобы на словах объяснить с Императрицей, но слишком поздно переписывать, мой отец приехал, его безопасность гнетёт меня, спасите меня. Вы, кто Господин всего! У меня нет иного выхода, когда нужно будет объявить отцу, что я возвращаюсь с ним. Отсрочку! ради всемогущего Бога! Прочтите эти страницы, мой Отец и Государь!.. Лишь смерть меня спасёт, коли не вы,

Письмо из Министерства императорского двора с разрешением фрейлине А. Л. Бодде на вступление в брак. ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292. Л. 6-6об. Публикуется впервые.

я предпочту свою, чем батюшкину!»²⁹ (Перевод с французского Ольги Эдельман).

Не получив ответа от государя на свои письма, Анна Львовна была вынуждена признаться во всём отцу. Родители поняли, что единственно возможным выходом из создавшегося положения является скорейшее замужество дочери. Разумеется, рассчитывать на блестящую партию не приходилось, однако фрейлина двора не могла вступить в брак без высочайшего разрешения. Весной 1854 года находившаяся в отпуску Анна Львовна такое разрешение получила. Ей предстояло обвенчаться с князем Александром Ивановичем Долгоруковым, представителем славного рода, сыном известного поэта и мемуариста князя Ивана Михайловича Долгорукова и правнуком князя Ивана Алексеевича Долгорукого, казнённого во времена императрицы Анны Иоанновны. 24 марта 1854 года барону Боду из министерства двора были направлены «негласным образом, на приданое препровождаемые при сём три тысячи четырёхста двадцать восемь рублей серебром»³⁰, а 4 апреля было дано официальное разрешение на брак его дочери.

Пусть не вводят в заблуждение современного читателя княжеский титул и знаменитая фамилия супруга Анны Львовны. Во-первых, родившийся в 1793 году князь был вдовец и на 22 года старше своей супруги. Во-вторых, он фактически не имел никакого состояния. В-третьих, не сделал никакой карьеры и в своём весьма почтенном возрасте имел чин всего лишь титулярного советника (IX класс по Табели о рангах, соответствовал армейскому капитану). Отныне Анне Львовне в официальных документах предстояло именоваться титулярной советницей. Какое унижение! Ведь в бытность фрейлиной она именовалась её превосходительством.

Сказать, что князь Александр Иванович в молодости был первостепенным разгильдяем, значит не сказать ничего. Можно долго перечислять его молодецкие «подвиги», благопристойности ради именуемые «шалостями», но я расскажу лишь об одном. Вскоре после Бородинской битвы, участником которой он был, 19-летний Александр в чине прапорщика Черниговского конно-егерского полка был послан со срочными депешами. Молодому вертопраху дали прекрасный шанс отличиться. Князь остановился в придорожной корчме, сел играть в карты, проиграл три тысячи рублей казённых денег, бросил незнамо куда эти депеши, а затем заложил свою офицерскую форму, поставил на карту — и вновь проиграл. В Москве он появился в каких-то лохмотьях и не рискнул в таком виде предстать перед своим отцом, отставным губернатором, уже не в первый раз платившим его долги. Князю Александру грозил военный

суд. В ход были пущены все связи: прапорщика признали душевнобольным, военный министр «скрыл его проказы, выходил ему благородную отставку и, так сказать, вытащил его из бедственной пропасти»³¹.

Вернувшийся из Парижа в 1814 году Александр I простил своего беспутного тёзку и позволил ему вступить в статскую службу. Но поскольку князь Долгоруков, обучавшийся и в Гёттингенском университете, и в Пажеском корпусе, так и не удосужился пройти полный курс обучения и получить соответствующий документ, выше чина титулярного советника ему не было суждено подняться. Для получения чина коллежского асессора требовался университетский диплом. Анна Львовна принесла своему мужу неплохое приданое: 272 крепостных мужского пола, да земли одну тысячу сто тридцать восемь десятин две тысячи двести восемьдесят три сажени в Тверской губернии. Это полученное от родителей приданое было оценено в двадцать три тысячи семьсот шестьдесят рублей серебром³². Судя по всему, брак оказался счастливым. Когда князь Александр Иванович скончался в декабре 1868 года, в «Московских ведомостях»

был опубликован трогательный некролог: «В гостиную он вносил просвещённый ум, не ослабевший с годами, в семью свою весёлый юмор, а в супружеский быт любезнейший характер»³³. Княгиня Долгорукова надолго пережила своего мужа, скончалась на излёте века 4 февраля 1897 года, уже в царствование Николая II, и упокоилась в некрополе Донского монастыря.

В этом историческом анекдоте как в капле воды отразились блеск и нищета самодержавного правления. С одной стороны, царя можно упрекнуть в жестокосердии, с другой — оправдать его непреклонность государственной необходимостью. Император считал себя отцом всех своих подданных, несущим за них моральную ответственность. В этом он видел свой долг самодержца. «Свет не карает заблуждений, но тайны требует для них», — сказал Пушкин. Однако Николай Павлович мыслил иначе и в иных случаях отнюдь не довольствовался соблюдением светских приличий. Он требовал от подданных большего — беспрекословного повиновения своей воле, даже когда речь шла об их частной жизни. Вспомним, что императрица остерегала свою

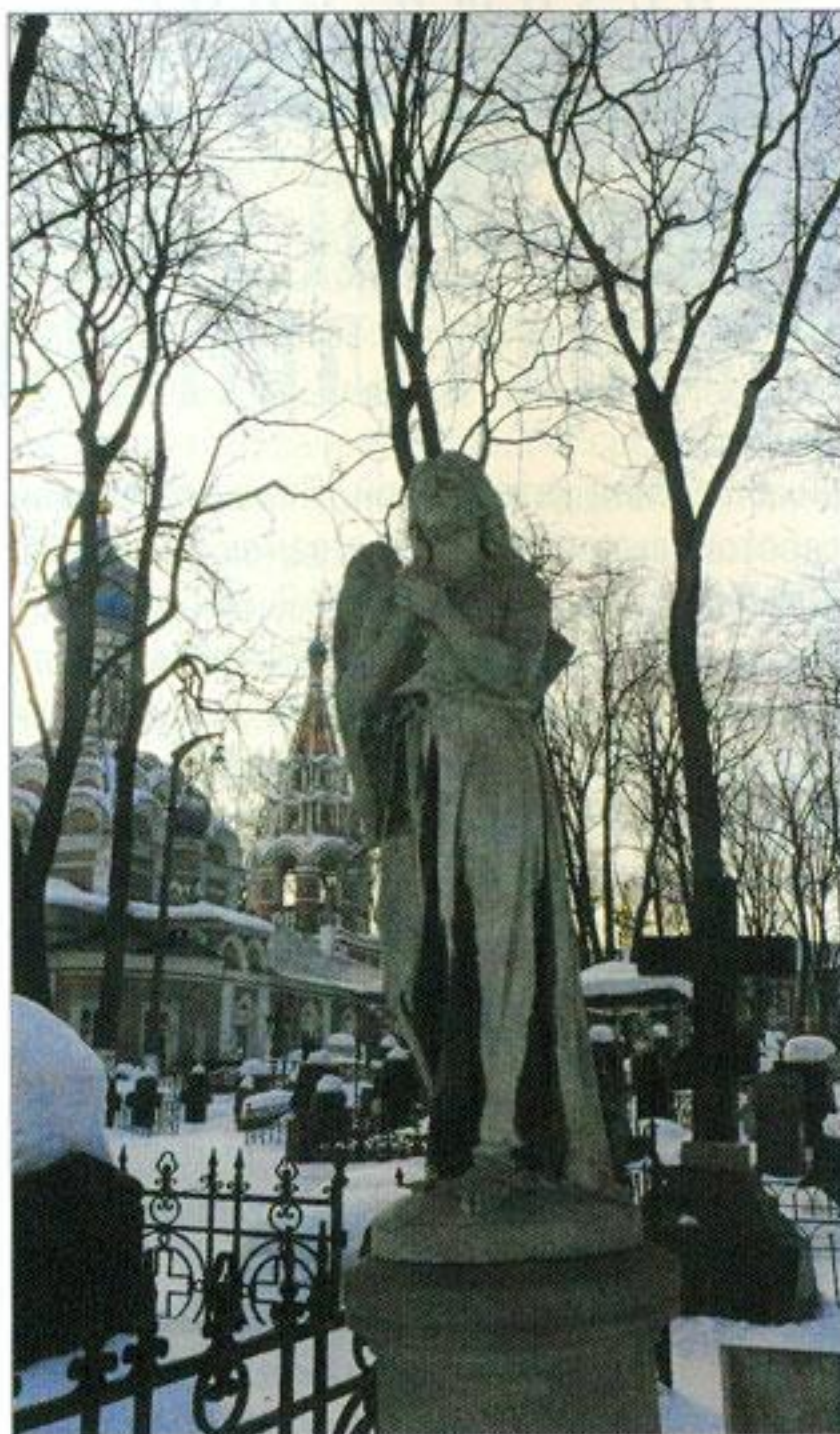

А. И. Ладюрнер. Николай I на маскараде.

фрейлину от слишком тесных отношений с итальянским певцом. Если бы не титанические усилия тайной политической полиции, Боду удалось бы сохранить в тайне свой роман с Марио. В конце концов, благопристойность была ею соблюдена.

Николай взвалил на свои плечи непосильную ношу. Он хотел вникнуть и в течение трёх десятилетий действительно вникал в мельчайшие подробности и частности обширного хозяйства Российской империи. «Первый труженик народа своего», — очень точно сказал о царе поэт Аполлон Майков. Именно при Николае была построена первая в России железная дорога, пущены паровые корабли по Волге, издан Свод законов, проведена денежная реформа, был дан мощный импульс развитию отечественной промышленности, в обстановке строжайшей секретности велась подготовительная работа по грядущей отмене крепостного права — и государь был инициатором и главной пружиной всех этих преобразований. Когда открыли железную дорогу между Петербургом и Москвой, император прибыл в Первопрестольную отнюдь не ради развлечений. «Я видел императора мрачным и усталым: он считал долгом побывать под всеми мостами и осматривать все насыпи и постройки дороги...»³⁴

Но с каждым годом находил всё меньше и меньше понимания и сочувствия со стороны своих подданных. Отсюда мрачность и усталость. Положим, император не нуждался ни в этом понимании, ни в этом сочувствии. Но люди — не пешки на шахматной доске, к каждому из них невозможно приставить штабс-капитана Чулкова, генерал-лейтенанта Дубельта и генерала от кавалерии графа Орлова. И они крайне болезненно переживают вмешательство государства в свою частную жизнь. Ещё 10 мая 1834 года Пушкин записал в дневнике: «Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдит-

Некрополь Донского монастыря.

Захоронения князей Долгоруковых.
14 февраля 2013 г. Фото Е. Зайцевой.

ся в том признаться... Что ни говори, мудрено быть самодержавным»³⁵. История сыграла с Николаем Павловичем скверную шутку. В нашей исторической памяти сохранились не его державные труды и дни, не неоднократно проявленное императором личное мужество, а пушкинская «тайна семейственных отношений, проникнутая скверным и бесчестным образом»³⁶. И это вторжение в частную жизнь перевесило в глазах образованного общества всё остальное.

В конце николаевской эпохи ропот стал раздаваться даже в среде самых благонамеренных людей, о чём вездесущее III Отделение в январе 1853-го не преминуло сообщить императору в дипломатических выражениях. «Правительство наше в мудрой заботливости своей всеми мерами старается, чтобы это благоустройство Империи не было нарушаемо никакими соблазнами Западной Европы и не только бы сохранялось бы в нашем поколении, но перешло бы во всей чистоте своей и к будущим поколениям. В этих видах оно продолжает неусыпно смотреть за всеми иностранцами <...> и внутри Империи строго преследует все проступки, от которых при ослаблении может распространиться разврат умов и нравов. Строгость правительства, хотя бы она была и несколько тягостна молодому поколению, благословляется всеми людьми опытными: ибо на ней зиждется настоящее и будущее благоденствие государства» (Курсив мой. — С. Э.)³⁷. Слово «долг» было для императора девизом его державных трудов и дней, паролем всей его жизни. Николай I взвалил на свои плечи непосильную ношу — и надорвался.

Автор выражает свою сердечную признательность сотрудникам ГАРФ Анне Николаевне Сидоровой, Марине Викторовне Сидоровой и Ольге Валерьяновне Эдельман за их высокий профессионализм и то дружеское участие, с которым они консультировали его при написании этой работы.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Секретный архив. Д. 2538. Дело по наблюдению за личными отношениями фрейлины Боду с итальянским певцом Марио с приложением лиц, проживающих в царском дворце. Л. 1.
2. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М. 2000. С. 14. В своих мемуарах дочь великого поэта ошибочно указала, что фрейлину Боду звали Юлиа, и эта ошибка до сих пор никем не была замечена.
3. Инструкция графа А. Х. Бенкендорфа чиновнику III Отделения // Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М. 2003. С. 200.
4. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1852. Ч. 1. СПб. 1852. С. 11.
5. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под редакцией Л. Г. Захаровой и С. В. Мироненко. М. 2008. С. 190.
6. Цит. по: Самин Д. К. 100 великих

7. вокалистов // http://www.web-lit.net/writer/3398/book/37753/samin_d_k/100-velikih_vokalistov/read/2
7. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. Фёдор Иванович Тютчев. М. 1989. С. 236.
8. ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2538. Л. 2–2 об.
9. Там же. Л. 2 об.
10. Там же. Л. 20–30.
11. Там же. Л. 31–35.
12. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. С. 193–195.
13. Рисунки членов Российской императорской фамилии. Изобразительные материалы XIX — начала XX века / ГАРФ. Каталог собрания. Т. 1. Отв. ред. С. В. Мироненко, руководитель коллектива составителей тома М. В. Сидорова. СПб. 2012. С. 243.
14. Дубельт Л. В. Дневник // Российский Архив. Т. VI. М. 1995. С. 144.
15. Зенгер Т. (Цявловская Т. Г.) Пушкин у Трубецких // Звенья. Т. III–IV. М.: Л. 1934. С. 225. В настоящее время неопубликованные дневники фрейлины

16. А. Л. Боду находятся в ГАРФ. Ф. 855. Боду — Колычёвых. 1586–1916. Оп. 1. Д. 293 (выписки из дневника); Д. 1076–1089 (дневники за 1831–1844 гг.).
16. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1843 год. Ч. 1. СПб. 1843. С. 19–20.
17. ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292. Альбом... Анны Львовны Боду. Л. 4.
18. Там же. Л. 3–3 об.
19. Там же. Ф. 109. Оп. За. Д. 2538. Л. 3.
20. Там же. Л. 4.
21. Дубельт Л. В. Дневник // Российский Архив. Т. VI. С. 191.
22. ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2538. Л. 4.
23. Там же. Л. 5–5 об.
24. Там же. Л. 7.
25. Там же. Л. 10.
26. Там же. Л. 11–11 об.
27. Там же. Л. 14–14 об.
28. Там же. Л. 15.
29. Там же. Л. 16–17.
30. Там же. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292. Л. 6.
31. Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с

32. коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М. 1997. С. 181. Выразительные подробности «шалостей» см.: Долгоруков И. М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни... Т. 2. СПб. 2005. С. 172, 327, 334–336, 349, 351.
32. ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292. Л. 7–8.
33. Там же. Л. 35.
34. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1983. С. 529.
35. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19-ти тт. Т. 12. М.: Воскресенье, 1996. С. 329.
36. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19-ти тт. Т. 15. М.: Воскресенье, 1996. С. 150.
37. Отчёт о действиях III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов за 1852 год // Россия под надзором. Отчёты III Отделения. 1827–1869 / Составители М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, Российский Архив, 2006. С. 434–435.